

Иван Лебедев и его искусство

РУССКАЯ эмигрантская печать в большом долгу у своих художников. Одним еще слѣдует дань нашей посмертной признательности. Другіе слушхом долго ждут вниманія к своей, развертывающейся на наших глазах, художественной дѣятельности, о нѣкоторых можно сказать, при этом, что они своим искусством дѣлают честь русскому имени вообще.

Каждый издатель иллюстрированных книг в Парижѣ, каждый специалист и любитель гравюры на деревѣ знают сейчас, кто такой Jean Lebedeff.

Через книгу, с которой связано все его искусство, Лебедев вошел в духовный мир Франціи. Его здѣсь считают присяжным изобразителем стараго, "уходящаго", Парижа и истолкователем самых мистических образов средневѣковья, и в то же время его рѣзцу гравера довѣряется украшеніе разнообразнѣйших страниц классической и современной французской литературы... Восемь лѣтъ назад, по случаю 30-лѣтія его художественной дѣятельности в Парижѣ, вышла великолѣпная, посвященная ему, монографія, в изданіи Жан-Поль Дюбрэ, с его текстом и введеніем Пьера Шампюна, богато иллюстрированная снимками с произведеній Лебедева и его автопортретом.

Рѣдкій, прямо загадочный для иностранца, успѣх. Тѣм болѣе удивительный, что авторы его монографіи, французы, больше всего, по собственному их признанію, цѣнят в Лебедевѣ самобытность его таланта, несмотря на то, что в тематикѣ его искусства русскіе образы и сюжеты

— не больше, чѣм случайные гастролеры на чужой сценѣ!

Гдѣ и когда, в таком случаѣ, Лебедев, уже прожившій юбилейные сроки за границей, успѣлъ получить эту самобытность, и как он смог выразить ее и отстоять здѣсь, в Парижѣ, на страницах французской книги.

Не в первый раз настоящее призваніе так называемых самородков, прежде, чѣм выйти наружу, скрывается под поражающими нас своей неожиданностью фантастическими одѣянными. Если покойнаго скульптора Судьбинина было так трудно себѣ представить в образах его молодости, сначала дяконом, а потом актером, то не легче познать теперь в реальность Лебедева, одѣтаго в форму капитана Волжскаго Пароходства. В жизни того был, по крайней мѣрѣ, какой то переход от сцены Художественнаго Театра к мастерской Родэна, Лебедев же попал, что называется, прямо с корабля.... в Латинскій квартал. Не годы студенчества, не художественное училище предшествовали появленію в 1909 году в Парижѣ 24-лѣтняго иностранца, избравшаго карьеру художника, а 10-лѣтній стаж плаванія по величайшей из русских рѣк, с про-

хожденіем всѣх степеней подчиненія и командованія, от простого матроса до капитана*). В одном из самых трудных для бѣднаго эмигранта мѣст на свѣтѣ Лебедев оказался без языка, без школы, без связей, но... со своим ранним опытом "мореплавателя". Увѣнчавшаяся успѣхом авантюра? Да, если бы ея главным мотивом не было призваніе художника!...

Теперь, задним числом, зная Париж и самага художника, можно задуматься, конечно, над тѣм, был ли Лебедев так безоружен для предстоявшей ему борьбы за существованіе и за свое призваніе, как это может показаться на первый взгляд, когда он, взаменъ всего другаго, имѣлъ врученный ему самой жизнью "аттестат

*) Родившійся в 1884 году, в селѣ Богородском, Нижегородской губ., в семьѣ, работавшей в мукомольном дѣлѣ, И. К. Лебедев еще в дѣтствѣ любил рисовать, но распорядившіеся выбором его карьеры родители, вся жизнь которых прошла на Волгѣ, отдали сына в Рѣчное училище в Нижнем-Новгородѣ, а не в художественную школу, куда он просился. Но и здѣсь он не оставил своих мыслей об искусствѣ. Обстоятельства неожиданно и странно помогли его мечтѣ. Примкнув к происходившему тогда на его родинѣ революціонному движенію, он незадолго до своего отъѣзда, попал под надзоръ полиціи. В этот рѣшительный для себя момент Лебедев, оборвав блестяще развивавшуюся карьеру «мореплавателя» и отойдя от активнаго участія в революціи, бѣжал за границу — в Париж, чтобы стать там, однако, не политическим эмигрантом, а художником.

зрѣлости", и не пригодилось ли ему суровая, закалившая его волю, волжская "школа" и на берегах Сены? Но главное, что оказалось для него важно, как для художника — это его постоянная, живая, со дня рожденія и до эмиграціи, связь с родной стихіей, внушеніям которой он остается вѣрен и понынѣ. Аскетически простой и строгій стиль, лапидарность языка, сжатость его, скупой на декоративныя подробности, рѣчи (если они не являются прямой задачей художника или обязанностью его ремесла) — всѣ эти, перенесенныя в искусство, черты его характера — оттуда, с Волги — от ея природы и исторіи... И через тридцать лѣтъ это искусство вызывает у его критика, біографа и друга, проницательнаго Ж.-П. Дюбрэ такіа признанія: "Прежде всего, нужно принадлежать своей странѣ. Ничѣм так не восхищает меня Лебедев, как тѣм, что он, рожденный в Россіи, выразил в своем искусствѣ всю душу своей націи — серьезную, сильную и печальную, раздѣленную между радостями жизни, близкой к природѣ и глубоким проникновеніем в самую суть вещей".

Если на родинѣ, раз и навсегда, опредѣлился основной характер творческой природы Лебедева, то Парижу, конечно, он обязан всей своей культурой, превратившей потенциальнаго художника в настоящаго.

Здѣсь только молодой Лебедев привел в ясность свой внутренній мир и, в соотвѣтствіи с этим, нашел и свою художественную форму. В этом отношеніи и во многом другом Латинскій квартал (как в прошлом Волга) всей совокупностью своих прямых и косвенных внушеній сыграл громадную роль в его дальнѣй-

шей судьбѣ — в его общем и художественном развитіи и в самой тематикѣ его произведеній. На его улицах и площадях, у подножія несѣдѣвших церквей и падающих домов, взирая на незнакомую, но влекущую к себѣ старину, он ощутил тогда впервые ея таинственную связь с оставленными на родинѣ образами наивной мистики. Этой, внутренне ему необходимой, коренящейся в едином источникѣ простой наивной вѣры, связью его прошлаго с настоящим, Лебедев, прежде всего, обязан Латинскому кварталу. Впоследствии он дал ее почувствовать в своих гравюрах и на иллюстрированных им страницах, породнив героев французскаго народнаго эпоса и особо почитаемых здѣсь святых, как Франциск Ассизскій или Юліан Милостивый, с любимцами его дѣтских лѣтъ, сказочными, былинными и апокрифическими героями и печальниками русской земли — ея святыми.

Латинскій же квартал, знакомство с которым началось у Лебедева с созерцанія его старины, привел и к ея изученію. Он, собственно, толкнул нашего художника в музеи, бібліотеки и ко всяким другим источникам, необходимых ему теперь знаній. И в Кабинетѣ Эстампов Национальной Библіотеки, гдѣ Лебедев стал скоро проводить половину своего рабочаго дня, он, любуясь старинными лубками-гравюрами или твореніями Люцельбергера, Дюбрэ, Гольбейна и других знаменитых мастеров, представителей гравюрной традиціи, рѣшил (наперекор господствовавшему среди молодежи настроенію и преодолевъ вліяніе импрессионизма), что не кисть живописца, а рѣзец гравера (на деревѣ) будет орудіем его искусства...